

Ю. МАДЕР

Тайна Хантсвилла

Юлиус Мадер

Тайна Хантсвилла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156723

Тайна Хантсвилла: Политиздат; Москва; 1964

Аннотация

Немецкий публицист Юлиус Мадер хорошо известен советскому читателю как автор книг «По следам человека со шрамами», «Серая рука», «Убийцы в засаде», «Гангстеры Аллена Даллеса».

В своей новой работе Мадер разоблачает преступное прошлое гитлеровского ракетчика Вернера фон Брауна, возглавляющего ныне центр американского ракетостроения в Хантсвилле.

Содержание

Вместо предисловия	4
Беседы у камина о трех «К»	10
Грохот над Рейникендорфом	21
Знатный гость на Куммерсдорфском полигоне	32
Диссертация с грифом «совершенно секретно»	36
Первая жертва	45
На «запретном острове»	52
Безумные планы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлиус Мадер

Тайна Хантсвилла

Вместо предисловия

У отрогов Камберлендских гор, как раз в том месте, где извилистая Теннесси делит их на две части, расположился Хантсвилл. Этот захолустный американский городок в северной части штата Алабама, окруженный полями с бурой плодородной почвой, еще совсем недавно принадлежал хлопковым королям. Белая фермерская аристократия издавна господствовала здесь над чернокожими рабочими плантаций, влачившими жалкое существование в убогих бараках.

Однако десять с небольшим лет назад со спокойной деревенской жизнью в Хантсвилле было покончено. Число жителей городка стало быстро увеличиваться и вскоре достигло более шестидесяти тысяч.

На вновь построенной федеральной дороге № 231 не редет поток автомобилей. Самолеты один за другим приземляются в аэропорту или же взлетают с расположенного поблизости военного аэродрома, преодолевая звуковой барьер над городом. Ультрасовременные магазины кричащей рекламой расхваливают свои товары. Бойко идет торговля сувенирами в лавках. Как грибы после дождя, выросли три отеля и

два десятка столь типичных для Америки мотелей. Многие владельцы плантаций, получив в компенсацию за свои земли солидные суммы, занялись куда более выгодным бизнесом, чем выращивание хлопка. С тех пор, как вместе с ракетами в Хантсвилл пришло процветание, его днем и ночью трясет, словно в лихорадке. В юго-западной части города изо дня в день, иногда целыми часами подряд, слышен оглушительный грохот. В каскадах желтого пламени и клубях черно-коричневого дыма почти вертикально взмывают ввысь и исчезают в южном направлении сигарообразные снаряды, оставляя в безоблачном небе белый расплывающийся след. Но лишь приезжие обращают на это внимание. Нередко полицейские автомашины с синими фарами, сопровождаемые каретами скорой помощи, пронзительным ревом сирен останавливают густое уличное движение. Жертвы ракетных экспериментов исчезают за решетчатыми воротами хантсвиллской больницы. Местные жители уже давно привыкли и к этому. Риск для них – часть бизнеса, а девиз «время – деньги» повелевает не слишком задумываться над тем, что несет людям развитие американской ракетной техники. В лучшем случае они звонят ближайшим друзьям, чтобы узнать, не помешает ли взрыв склада горючего или неудачный запуск ракеты традиционному «уикэнду».

Да, многое изменилось в Хантсвилле! Вокруг холма севернее хантсвиллского пригорода Монте-Сано раскинулся поселок роскошных вилл. В одной из них живет некий ба-

рон. Его вилла окружена плотной оградой из густо посаженных кустов роз. Садовники старательно ухаживают за ними. Барон чувствует себя некоронованным владыкой Хантсвилла. Ведь вместе с ним в это сельское захолустье пришло небывалое доселе «просперити».

Барон сам водит свой «Крайслер», притом каждый год новый. От виллы до «оффиса» – всего несколько километров. Жаждающие сенсаций репортеры постоянно подстерегают барона в пути. Но вот услужливо распахнутые стальные ворота закрываются, и знатному хантсвилльцу уже не страшны журналисты.

Широкоплечий барон, шеф пяти тысяч девятисот инженеров и техников, спешит по строго охраняемой территории в свой кабинет с табличкой на двери: № 4488. Секретарша, крашеная блондинка, кладет перед ним список намеченных дел. На письменном столе красного дерева громоздятся папки с бумагами на подпись, светокопии и листы со сложными расчетами. Опечатанный сейф полон сверхсекретных документов.

Имя этого барона, прусского юнкера и новоявленного американского босса, хорошо известно в «западном мире». Его зовут Вернер фон Браун.

Барон американизировал свой «двор». Заботу о телохранителях уже давно взяло на себя американское правительство. Вместо конюхов, которых у его отца были десятки, он держит для своих автомобилей и личного самолета кучу ме-

хаников. Смотритель винного погреба ему ни к чему, ибо он получает любимые вина и шампанское прямо от фирм со всего света. Он не довольствуется, как его отец, одним биографом. К услугам Вернера фон Брауна целая армия высокооплачиваемых журналистских звезд, которые обязаны заботиться, чтобы газеты, журналы, радио и телевидение получали только то, что он сам одобрил и считает нужным рассказать о себе и своих проектах. Примитивному тщеславию барона льстит, когда в набранных жирным шрифтом газетных заголовках его называют «Прометеем Америки».

Однажды Браун пригласил к себе западногерманского борзописца Клауса Харппрехта, посадил в свой спортивный самолет и во время полета над долиной Теннесси дал ему интервью. Ведь Харппрехта Вернеру фон Брауну рекомендовали непосредственно из Бонна. Это был тот самый Харппрехт, который предпринял попытку посмертно представить в виде мученика военного преступника группенфюрера СС Вальтера Шелленберга – в прошлом шефа шпионской и диверсионной службы Гитлера и Гиммлера. То, что сочинял Харппрехт, получало благосклонное одобрение хантсвиллского барона.

«Вернер фон Браун, – писал Харппрехт в западногерманской газете «Ди цейт», – стал героем Нового света. Никто не забывает его немецкого происхождения, но никто и не колеблется боготворить его как гаранта непобедимости Америки, ее надежд и исконного права на создание лучшего, более

совершенного мира. Однако баловать Брауна славой и самим отражаться в ее блеске американцев побудили не только шумный успех его достижений, не только преклонение перед его творениями, но и то, что составляет секрет его способности творить, а именно сама его личность. В этом сыне померанских юнкеров поистине счастливо сочетаются энергия и одаренность».

Вот уж действительно этому аристократу с внешностью повесы, перед которым расшаркивается целый сонм ученых, генералов, дельцов и адмиралов и которого боготворят хозяева Уолл-стрита, скромность неведома! Искусственно созданная популярность, блеск и необыкновенная таинственность, окружающая барона, — дело его собственных рук. В то же время фон Браун старается создать плотную завесу молчания вокруг своего прошлого и частной жизни. Журналист Нерин Э. Ган, например, потерпел неудачу в попытке приоткрыть эту завесу. В широко поданном газетой «Франкфуртер иллюстрирте» репортаже он писал:

«Наиболее строго хранимая тайна ракетного города Хантсвилла в штате Алабама — это отнюдь не предназначенная для полета к Луне ракета «Сатурн» (которая создается в расположенном поблизости арсенале «Редстоун»), а все то, что скрывается за фасадом виллы Вернера фон Брауна. Любой человек в Хантсвилле охотно беседует насчет ракетных дел, без которых город оставался бы захолустьем. Но стоит лишь задать вопрос о «герре

Броуне» (как называют местные жители «своего» Вернера фон Брауна), собеседник тотчас замолкает... Сам ракетчик избегает давать интервью и очень редко пускает в свой дом фоторепортеров... К нему попасть не просто, и даже генералы из министерства обороны напрасно будут ждать приглашения на чай или коктейль...»

Браун предпочитает уединение. Он не хочет, чтобы к нему проявляли слишком большой интерес. Бывшему гитлеровскому ракетчику, натурализовавшемуся в США, хотелось бы, чтобы его нацистское прошлое осталось тайной.

Да, этого очень хотел бы фон Браун. Но человечество должно знать правду об этом, преданно служившем Гитлеру ракетном специалисте, сменившем черную форму СС на респектабельный костюм американского покроя.

О длинном пути преступления, который привел бывшего штурмбанфюрера СС Вернера фон Брауна из фашистского ракетного центра Пенемюнде на нередком острове Узедом в город Хантсвилл в американском штате Алабама, рассказывается в этой книге.

Беседы у камина о трех «К»

В один из весенних дней 1931 года тяжелые, запыленные автомобили, нагруженные подарками, двигались вверх по долине к утопавшему в зелени дворянскому поместью Обер-Визенталь¹ в Силезии, недавно купленному семейством фон Браунов. На протяжении жизни четырех поколений резиденцией Браунов был старинный замок германского рыцарского ордена в восточно-прусском селе Нойкен. Род их олицетворял древнее дворянство: в 1573 году им было предоставлено право иметь крепостных, в 1699 году они были провозглашены богемскими баронами, в 1860 году прусский король подтвердил этот титул. В течение столетий Брауны считали эксплуатацию крепостных богоданным порядком, а усердное участие в разбойничьих походах своих государей – почетной обязанностью.

Владелец Обер-Визенталья хотел воспользоваться днем рождения сына Вернера, которому исполнилось 19 лет, чтобы снова сблизить большую родню и похвалиться перед старыми друзьями своим новым именем. Молодой Вернер на празднестве не присутствовал. Он находился в это время в Швейцарии, где проходил курс наук в цюрихской Высшей технической школе.

¹ С 1945 года называется Быстрица и входит в состав Польской Народной Республики.

После того как все расселись за столом, уставленным серебром, хрусталем, тончайшим фарфором и вазами с цветами, отец виновника торжества барон Магнус фон Браун провозгласил первый тост. Справа от него восседала увешанная драгоценностями счастливая мать – Эмми фон Браун. Она радовалась, глядя на своих многочисленных родственников – сплошь представителей феодальной знати от Грейфсвальда до Штеттина, среди которых был и ее брат – сказочно богатый прусский судебный чиновник Александр фон Кисторп. Братья и сестры Магнуса фон Брауна прибыли к праздничному столу из Восточной Пруссии.

Особым вниманием присутствующих пользовался человек в сером мундире офицера рейхсвера, достаточно знатный для этой компании, хотя и не дворянского происхождения: полковник инженер доктор Карл Эмиль Беккер.

После обеда общество разделилось на группы и разбрелось. Наступили те часы, когда друзья и родственники за пуншем обмениваются светскими новостями. У каждого из гостей в запасе было немало всяких историй, да и фон Браунам не терпелось рассказать, разумеется по секрету, то, что стало им известно. Но в этот день гости собрались не только ради болтовни. Мужчины, привыкшие делать политику и на гладком паркете залов, где дают аудиенции, и на пышных балах, и в офицерских казино, удалились в кабинет хозяина. Пламя от нескольких горевших в камине дубовых поленьев излучало свет, создававший особый интимный уют. Го-

сти развалились в кожаных креслах.

Когда слуги, получив приказания, вышли, начался неприкрытый разговор. И здесь в центре внимания был полковник Беккер, военный до мозга костей. Естествоиспытатель по образованию, он полностью посвятил себя военному ремеслу. Еще до первой мировой войны он работал над проблемой связи физики и математики с военной техникой. В 1917 году в чине капитана Беккер, имевший к тому времени опыт командира батареи 420-миллиметровых орудий, занимал должность референта Берлинской артиллерийской испытательной комиссии. Беккер был соавтором книги «Внешняя баллистика и теория движения снаряда от дула орудия до попадания в цель». Десять миллионов убитых в империалистической первой мировой войне явились убедительным подтверждением его «теории движения снаряда», а три с половиной миллиона инвалидов свидетельствовали о «попадании в цель». Естественно, что и после установления Веймарской республики армия не могла отказаться от этого специалиста. Беккер был произведен в чин полковника и назначен начальником армейской инспекции по вооружению. Кенигсбергский университет присвоил ему почетную степень доктор философии. На иерархической лестнице кадровой армии он занимал уже прочное место; однако настоящая его карьера только еще начиналась.

Рядом с Беккером удобную позу в кресле занял 60-летний отставной майор прусской королевской армии барон Фри-

дрих Адольф фон Браун. Он прославился тем, что, будучи капитаном потсдамского гвардейского егерьского батальона, на рубеже нового века ввел в германской армии пулемет, дабы помочь его величеству кайзеру одерживать победы в будущих войнах. Сидящего напротив подполковника в отставке Зигфрида Вильгельма фон Брауна больше всего привлекала артиллерия, командованию которой он посвятил много лет.

Четвертым в этом интимном кругу был сам хозяин дома – младший из братьев фон Браун – Магнус, отец Вернера. Он мог похвалиться лишь чином капитана в отставке. Однако невысокое военное звание он компенсировал политическим влиянием, которым не без выгоды для себя пользовался благодаря своим тесным связям с китами промышленности, банковским миром и владельцами дворянских поместий. В студенческие годы Магнус приобрел кое-какие знания в области юриспруденции. Затем служил в качестве вольноопределяющегося в 1-ом гвардейском пехотном полку, восходившем к гвардии «длинных парней» – личной охране прусского «солдатского короля» Фридриха Вильгельма I. Однако сделать карьеру Магнусу фон Брауну было суждено лишь в прусском бюрократическом аппарате. Он занимал важные посты в министерстве внутренних дел, был прусским ландратом, затем стал членом правления Рейхсбанка. Барон «делал» сельскохозяйственную политику в интересах юнкерства, не забывая при этом и себя: доходное поместье Обер-Визен-

таль он приобрел буквально за бесценок. На шахматной доске прусско-германской политики он не был пешкой, хотя на высшую ступеньку чиновничьей лестницы еще не вскарабкался. Впоследствии он стал имперским министром продовольствия и сельского хозяйства.

Присутствующие вели мужской разговор вокруг неизменных трех «К»: Kaiser, Krieg, Kanonen (кайзер, война, пушки). С грустью предавались воспоминаниям о старом добром времени, когда они верноподданно служили королю прусскому, императору германскому. Крах кайзеровской Германии был для них крушением собственного мира. В лице Вильгельма они потеряли своего идола, верховного военачальника, из рук которого получали земли и чины. Хотя им и удалось сохранить огромные земельные владения, эти люди, сделавшие служение кайзеру своим ремеслом, чувствовали себя ограбленными: ведь они, как и все их единомышленники, считали ниже своего достоинства идти по жизни без бряцающей сабли и блестящих погон. В годы Веймарской республики этих людей всегда можно было встретить среди самых темных сил реакции, пытавшейся повернуть вспять колесо мировой истории.

Подали новые напитки, алкоголь развязал языки. С упоением болтали о том, где и как «поддали красным» и их приверженцам.

Вскоре разговор перешел на узкоспециальные теоретические темы. Речь зашла об артиллерии, о проблемах движе-

ния и рассеивания снарядов, расчета траекторий и т. п. И это было понятно.

Версальский мирный договор, продиктованный союзниками Германии, обрек представителей военщины на вынужденную бездеятельность. Раздел V договора устанавливал, что уже с 31 марта 1920 года артиллерия ограниченного до десяти дивизий германского рейхсвера не могла иметь более 204 полевых орудий калибра 77 миллиметров и 84 полевых гаубиц калибра 105 миллиметров. Было установлено даже число снарядов: по тысяче на каждое полевое орудие и по восемьсот на каждую гаубицу. С такой огневой силой начать новую войну было немыслимо, не говоря уже о том, чтобы выиграть ее.

Германская военщина обнаружила вскоре лазейки в Версальском договоре. Производство, хранение и применение ракет не было категорически запрещено, если интерпретировать статью 166 таким образом, что ракеты не являются боеприпасами в прямом смысле этого слова. Эта статья запрещала германскому правительству иметь «какие-либо другие запасы, склады или резервы боеприпасов». Германская военщина не собиралась дискутировать, она намеревалась действовать, и притом целеустремленно.

Зигфрид фон Браун обратился к Беккеру с вопросом:

– Как я слышал, господин полковник, вы делаете ставку на ракеты?

– Осторожно, – предостерегающе заметил полковник,

приложив к губам указательный палец с массивным золотым кольцом. – Вы же знаете, господин барон, офицеры слушают и молчат. Полтора года тому назад мы имели достаточно неприятностей с генералом фон Баумгартен-Крузиусом. Он подхватил просочившиеся каким-то образом сведения и написал рассказ, мне помнится, под названием «Возмездие 193». Содержание: немцы тайно строят ракеты, ракетный удар по Парижу, смертельный враг вынужден капитулировать, честь наконец восстановлена. Официально ничего нельзя было предпринять, это вызвало бы еще большую шумиху. Пришлось просто-напросто скупить весь тираж. Хотим надеяться, что за рубежом не придадут значения этому рассказу.

Полковник Беккер, который хотел извлечь пользу из широких политических связей Магнуса фон Брауна, быстро повернул разговор на темы современной политики. Ему, как военному специалисту, она казалась достаточно запутанной. Генрих Брюнинг, лидер католической партии центра, уже в течение многих месяцев правил лишь с помощью чрезвычайных законов. Семь миллионов безработных ежедневно собирались у бирж труда. Мощности промышленных предприятий были загружены в среднем лишь на одну четверть. Брюнинг повысил налоги и снизил на десять процентов заработную плату рабочих и служащих. Но этим он не ограничился. Пришлось уменьшить размеры пособий по безработице. Около года назад был досрочно распущен рейхстаг.

На парламентских выборах социал-демократы получили 8,6 миллиона голосов. 4,6 миллиона человек отдали свои голоса Коммунистической партии Германии. Офицеры рейхсвера с опасением отметили этот сдвиг влево и особенно – неуклонный рост влияния коммунистов. Проповедовавшая безудержный шовинизм гитлеровская партия собрала 6,4 миллиона голосов.

Полковника Беккера интересовали политические перспективы. В лице Магнуса фон Брауна он видел несомненно знающего человека. Барон часто встречался в правлении Рейхсбанка с Ялмаром Шахтом, по словам которого нацисты уже давно перестали быть просто хулиганствующими когортами штурмовиков. За их спиной все резче вырисовывались фигуры промышленных магнатов с Рейна и Рура. Во всяком случае, с декабря 1930 года Ялмар Шахт установил контакты с Германом Герингом, а с начала 1931 года – даже лично с Гитлером. Тайный советник Эмиль Кирдорф, неограниченный владыка рейнско-вестфальского угля, еще до первой мировой войны посылавший Магнуса фон Брауна со специальной миссией в Лондон, неспроста уже в течение восьми лет вкладывал огромные суммы в гитлеровское «движение». Пушечный король Густав Крупп фон Болен унд Гальбах, который с военных лет благоволил Магнусу фон Брауну, давно понял, что рейхсканцлер по имени Гитлер обеспечит ему новые большие военные заказы. Магнус фон Браун мог успокоить полковника Беккера: тяжелая промышленность нуж-

далась в заказах, она хотела производить вооружение. Она начнет скоро выпускать пушки, и не только пушки.

Часы пробили полночь. Магнус решил, что наступило время изложить свою просьбу полковнику Беккеру, пока тот еще более или менее трезв. Речь шла о протекции его сыну Вернеру, который был зачислен в Высшую техническую школу в Цюрихе.

— Господин полковник, — начал Магнус фон Браун изда- лека, — Вернер рассказывал мне о капитане Дорнбергере, с которым он встретился на берлинском ракетодроме. Како- вы, по вашему мнению шансы ракетной лихорадки? Мой сын слышал будто ваше ведомство интересуется этими пробле- мами.

— Господа, — я уверен, что вы умеете хранить секреты, — ответил полковник Беккер, тщательно протирая свой мо- нокль замшей. — Честно говоря, возлагаем большие надеж- ды на ракеты. Что касается капитана Дорнбергера, то я сам выискал его среди окончивших Шарлоттенбургскую высшую техническую школу в 1930 году. Уверен, что это энергич- ный и неглупый молодой человек. А Дорнбергер прямо-таки влюблен в вашего Вернера. Я давно бы затронул эту тему, но не хотел предвосхищать родительских соображений на- счет выбора профессии. В одном могу вас заверить, госпо- дин барон, в нашем управлении вооружений перед Вернером открылась бы блестящая карьера, особенно если учесть тен- денцию политического развития, которую вы нам изложили.

Положитесь на меня, это мой долг чести!

Сговор состоялся. Студент машиностроительного факультета Вернер фон Браун был вызван из Цюриха...

Заглянуть в архиреакционный дом, где прошло детство Вернера фон Брауна, было необходимо, ибо здесь зародилась будущая карьера «ракетного барона». В биографиях Вернера фон Брауна, прошедших его личную цензуру, нет ни слова о закулисной стороне его профессии. Для обмана общественного мнения он придумал вполне невинную, но малоубедительную версию. Мол, вдохновленный своей матерью – астрономом-любителем, он построил себе телескоп и целые ночи подряд наблюдал за – Луной и Марсом. Еще тогда его потрясло величие бесконечного пространства. По словам инженера-ракетчика Гейнца Гартмана, Вернер фон Браун так живописал охвативший его восторг покорителя космоса: «Это была цель, которой можно было посвятить свою жизнь! Не только наблюдать Луну и планеты в телескоп, но и самому прорваться во Вселенную, исследовать таинственные миры! Я понял тогда, какие чувства могли владеть Колумбом»².

В этой басне нет и доли правды. Безобидный примитивный телескоп занял в ней место изрыгающих смерть оружийных стволов. Вместо прусских офицеров, из винтовок, пулеметов и гаубиц стрелявших по французам, бельгийцам, англичанам, американцам, русским и даже по своим соотече-

² «Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S 29.

ственникам, появилась изящная, словно фея, матушка, любившая астрономию. Вместо опасных планов создания военных ракет появилось исследование космоса исключительно в гуманных целях.

Но гуманизм и прусско-германская мания величия с присущим ей милитаризмом – понятия несовместимые. Магнус фон Браун с типично прусским высокомерием и цинизмом говорил о людях своим сыновьям, напутствуя их в жизнь: «Люди – это добродушные бараны с инстинктом хищного зверя, готовые следовать за любым пастухом, у которого есть палка и сторожевая собака, и готовые убивать, если прикажет этот пастух»³.

Этот баронско-каннибальский образ мыслей свидетельствует о том, что пруссачество и милитаризм – синонимы бесчеловечности. Подобно тому как хищный волк не станет безобидным вегетарианцем, так и одержимый войной Вернер фон Браун, в жилах которого течет кровь прусских баронов-милитаристов, не станет невинной овечкой.

³ *Magnus von Braun, Von Ostpreußen bis Texas, Stollhamm 1955, S.71.*

Грохот над Рейникендорфом

Не прошло и двух с половиной лет после торжественного празднования дня рождения Вернера фон Брауна в Обер-Визентале, как английский репортер Сефтон Делмер, часто пишущий под псевдонимами, случайно наткнулся в берлинском районе Рейникендорф на нечто весьма странное. На заброшенном пустыре стояло несколько сараев, и было похоже, что они предназначены главным образом для того, чтобы скрыть их содержимое от непрошенных глаз. Человек в замасленном халате, возившийся с конусообразным металлическим предметом, представился любопытствующему англичанину: дипломированный инженер Небель.

– Я строю для рейхсвера суперракету, – заметил он, следя за тем, какое впечатление произвели его слова на английского журналиста.

Молодой человек, стоявший рядом с Рудольфом Небелем и буквально сгоравший от нетерпения тоже представиться, щелкнул каблуками, чуть поклонился и програссировал:

– Фон Браун.

– В один прекрасный день, – продолжал инженер, – ракеты, подобные этой, вытеснят артиллерию и даже бомбардировщики на свалку истории⁴.

⁴ *Sefton Delmer*, *Trail Sinister – Top Newsmen remembers Europe*, 1961, p. 179-180.

Вернер смотрел на своего учителя влюбленными глазами. Делмер же счел Небея фантазером и склонен был даже злорадоваться по поводу того, что рейхсвер вкладывает деньги в столь утопические проекты. Одиннадцать лет спустя его соотечественникам пришлось на себе испытать, сколь роковым было это заблуждение.

Возможностями создания двигателя, работающего на основе принципа отдачи, уже с начала века интересовались гениальные ученые, способные инженеры, жаждущие сенсаций прожектеры, фабриканты – любители шумной рекламы и кинопродюсеры во многих странах. Ракеты были грудными младенцами того времени, и их духовные отцы с самого начала возлагали на них большие надежды.

Серьезные исследователи в своем полете мыслей намного обгоняли реальные условия, состояние производительных сил. Еще в 1895 году русский ученый К. Э. Циолковский начинает изучать проблемы создания ракет большой мощности. В 1903 году он передает изумленным специалистам свою работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В ней он развивает основы теории ракетных двигателей, работающих на кислороде и водороде, которые с тех пор называют жидкостно-реактивными, в отличие от двигателей на твердом топливе. Циолковский смело стремится к полету в космос. В 1912 году он излагает свою вторую, улучшенную теорию об исследовании мировых пространств посредством ракетных кораблей. В 1915 году он

предлагает проект конструкции ракеты, в котором формулирует уже свои взгляды относительно камеры сгорания ракетного двигателя, а также необходимых системах подачи топлива. Первая мировая война замедлила темпы работы этого неутомимого изобретателя ракет, занимавшегося решением больших научных задач космонавтики в мирных целях.

Однако в последний год войны стало очевидно, что в головах милитаристов во все большей мере зреют проекты создания ракет в военных целях. Так, в 1917 году 23-летний доброволец армии австрийского императора, фельдфебель санитарной службы Герман Оберт разрабатывает проект боевой ракеты длиной 25 и диаметром 5 метров, которая, работая на смеси спирта и кислорода, должна пролететь несколько сот километров и с помощью специальных автоматов сбросить на английское население 10 тысяч тонн взрывчатки. Его комментарий в этой связи был лаконичным: «Я думаю, что несколько таких ракет окажут кое-какое воздействие на Англию». В 1918 году кайзеровский офицер Рудольф Небель запускает со своего самолета-истребителя две построенные им небольшие ракеты на объекты противника. Герман Оберт, ставший тем временем румынским гражданином, в 1923 году в своей докторской диссертации «Ракета в межпланетном пространстве», базировавшейся на основных исследованиях Циолковского, объяснил принцип многоступенчатости для увеличения дальности полета ракеты.

Работы над ракетами продолжались. Герман Оберт, Ру-

дольф Небель и Клаус Ридель производили эксперименты с ракетными двигателями. В 1930 году Небель построил в Рейникендорфе жидкостную ракету, стартом которой началась новая серия испытаний. Небель обратился к отечественным промышленникам с просьбой о жертвованиях и пригласил американского автомобильного короля Генри Форда посетить рейникендорфский полигон, которому с целью рекламы было дано название «Первый ракетодром мира». Форд действительно приехал в октябре в Берлин. Вслед за этим американские меценаты предложили Рудольфу Небелю миллион марок, если он организует запуск тридцати ракет в США. Ракетный бизнес начал развиваться. В 1931 году группа Небеля испытала 87 малых ракет, одна из которых, «Мирак-2», поднялась на высоту 60 метров.

Группа известных ученых по инициативе лауреата Нобелевской премии физика профессора Альберта Эйнштейна выступила в 1932 году за мирное использование крупных технических проектов и за взаимовыгодный международный обмен. Эйнштейна поддержали берлинские профессора Капп и Архенгольд из обсерватории в Трептове. Было организовано общество «Пантерра», председателем которого стал профессор Капп, его заместителем – инженер Небель, третьим председателем – профессор Архенгольд.

Тем временем были созданы производственно-технические предпосылки для строительства мощных почтовых, фото- и метеорологических ракет. Были найдены легкие ме-

таллы, применяя которые можно было уменьшить вес ракет, а также жаростойкие сплавы для ракетных двигателей. В перспективе были надежные электрические, электронные и другие точные приборы для ракет, и, наконец, перестало быть проблемой производство жидкого кислорода, одного из важнейших элементов топлива ракетных двигателей. Однако развитие ракетной техники в мирных целях в Германии быстро приостановилось. Темные силы, жаждущие реванша за проигранную войну, ухватились за эту техническую новинку, находившуюся еще в зачаточном состоянии. Они хотели владеть ракетами, причем монопольно. Эта закулисная атака началась в 1929 году.

Министр рейхсвера отдал секретный приказ изучить возможности применения реактивных и ракетных двигателей в военных целях. Хотя полковник Беккер и не был светилом в науке, после этого приказа он почувствовал себя в родной стихии и в значительной степени форсировал его осуществление. Рейхсвер образовал в руководимом Беккером отделе баллистики при управлении вооружений рабочую группу по жидкостно-реактивным ракетам. На должность руководителя группы полковник Беккер пригласил весной 1930 года 35-летнего инженера-машиностроителя Вальтера Роберта Дорнбергера, которому сразу же было присвоено звание капитана. Этому откровенному милитаристу поручили создать опасное оружие уничтожения. Дорнбергер приступил к своей новой работе с большим рвением. С помощью богатого

архива управления вооружений он установил, какие достижения имелись в свое время у прусских ракетных войск и кайзеровской артиллерии.

Ведь еще в 1823 году существовал прусский ракетный корпус, на вооружении которого были пороховые ракеты. 60 лет спустя этот корпус был расформирован вместе с прусскими исследовательскими бюро ракетной техники. Причиной расформирования послужило то, что точность попадания сравнительно примитивных пороховых ракет была намного меньшей, нежели созданных тем временем орудий с нарезным стволом.

В первой мировой войне кайзеровская артиллерия исчерпала свои технические возможности. Орудие, построенное на заводах Круппа и вошедшее в историю под названием «Большая Берта», обстреливало Париж с расстояния 125 километров. Снаряды калибра 210 миллиметров, имевшие заряд в 10 килограммов взрывчатки, падали на город с 40-метровой высоты. Однако вес этого орудия был огромен. Оно было нетранспортабельным, почти беззащитным во время налетов авиации и требовало слишком длительной подготовки к бою. Капитан Дорнбергер размышлял:

«С тех пор, как существует артиллерия, военные стратеги хотели иметь идеальный снаряд, который был бы способен пролететь большее расстояние, чем любой артиллерийский. Даже когда авиация начала свое беспримерное триумфальное шествие, стратеги все

равно стремились получить носитель боевого заряда, который был бы дешевле и проще в применении, нежели, скажем, бомбардировщик»⁵.

С одобрения полковника Беккера Дорнбергер поставил перед собой в качестве ближайшей цели создание мощной ракеты, которая могла бы покрыть вдвое большее расстояние, чем снаряд, выпущенный из крупновской «Большой Берты» – этого самого большого орудия вильгельмовской артиллерии, и обрушить на будущего противника в сто раз большую массу взрывчатки; выражаясь языком цифр, – ракету с радиусом действия 200-300 километров и зарядом в 1000 килограммов. Поистине, цель жизни для палача, получившего техническую подготовку за счет рейхсвера!

Дорнбергер сразу же начал подыскивать надежных помощников. Вместе с полковником Беккером он произвел смотр энтузиастам ракетного дела, которыегодились бы для осуществления этой задачи.

Герман Оберт, несмотря на немецкое происхождение, в расчет не шел. Во-первых, поскольку он стал румынским гражданином и, во-вторых, из-за присущих ему ярко выраженных чудачеств: обидчивости эксцентричной примадонны и стремления к популярности.

Было просмотрено личное дело Рудольфа Небеля: офицер кайзеровской авиации, имеет военный опыт, диплом инженера, многолетнюю практику создания ракет. Казалось, все

⁵ Walter Dornberger, V2 – Der Schuß ins Weltall, Eßlingen 1952, S. 25.

говорило в пользу Небеля. Даже то, что в сентябре 1930 года, сразу же после того, как стало известно о новом ведомстве Дорнбергера, он обратился к командованию рейхсвера с просьбой предоставить территорию для своих экспериментов. «Мы намереваемся, – говорилось в его прошении, – расширить берлинский ракетодром и сделать его крупной испытательной станцией, с особым упором на создание военной ракеты дальнего действия...»⁶

Отдел контрразведки рейхсвера проверил личное дело просителя и представил доклад. Вскоре Небель получил за символическую плату в размере 10 марок в год обширную площадку на территории бывшего имперского склада боеприпасов в берлинском районе Рейникендорф. Но Небель хотел строить не только военные ракеты. Он принимал активное участие в обществе «Пантерра», которое выступало за международное сотрудничество. В глазах полковника Беккера и капитана Дорнбергера, это было антипатриотично. К тому же имя и проекты Небеля весьма тщательно обсуждались во многих промышленных компаниях Германии. Ведь Рудольф Небель не видел иного пути для претворения в жизнь своей мечты о строительстве ракет, кроме как обратиться с письмом к концернам и специализированным предприятиям, выпрашивая материальную помощь. К нему стали поступать деньги, но главным образом пожертвования в виде материалов и оборудования.

⁶ «Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1960, S. 88.

Разумеется, отнюдь не альтруистически настроенные покровители требовали за это отчетов о ходе работ вообще и об использовании своих пожертвований в особенности. К тому же учитывалась слабость, которую питал Небель к патентам на свои изобретения. В кругах рейхсвера из собственной практики шпионажа слишком хорошо знали, что зарегистрированные патенты всегда являются важными сигналами для заинтересованных иностранных разведок. При мысли об этом у Беккера и Дорнбергера, привыкших к обычной для рейхсвера конспирации, волосы вставали дыбом.

Капитан Дорнбергер рекомендовал своему начальнику для участия в работе над ракетным проектом рейхсвера молодого Вернера фон Брауна, который одновременно с учебой в Берлинской высшей технической школе выполнял обязанности подсобного рабочего у Рудольфа Небеля. Ловкий юноша представлялся обоим как бы созданным для их планов: он происходил из семьи со старыми прусскими традициями; отец занимал важные посты; сам кандидат был воспитан в соответствии с отцовским тезисом: «техника – это прикладной ум, но не прикладная мораль».

Дорнбергер не упускал Вернера фон Брауна из виду уже с 1930 года. В 1932 году он рекомендовал ему баллотироваться в правление «Союза межпланетных сообщений». Таким образом управление вооружений обрело в представлявшем для него интерес официальном союзе надежного и усердного агента. 1 октября 1932 года 20-летний Вернер фон Браун был

зачислен в тщательно подобранный штат управления вооружений. Какие надежды связывал тогда Дорнбергер со своим новым референтом, он рассказал позднее в интервью корреспонденту западногерманского журнала «Дер Шпигель»:

«Мы хотели выйти наконец из области теорий, недоказанных утверждений и бесплодных фантазий. Мы были по горло сыты прожектерством в деле межпланетных полетов. Шестая цифра после запятой в расчетах траектории полета к Венере была для нас столь же безразлична, как и вопрос об отоплении и обеспечении воздухом кабины корабля для полета на Марс»⁷.

Вскоре тем, кто, по словам Дорнбергера, занимался «прожектерством», пришлось испытать на себе всемогущую власть рейхсвера. Инженеру Альфонсу Пичу пришлось передать управлению вооружений свою конструкцию ракетного двигателя. Заявка на патент, сделанная Рудольфом Небелем, в течение пяти лет лежала неопубликованной, а за это время ее в полной мере использовали в управлении вооружений. Еще один патент Небеля рейхсвер сразу же засекретил под регистрационным номером «№ 32827 G 46 g». Публикации о ракетных проблемах немедленно исчезли с книжного рынка и частично даже из библиотек. Затем посредством судебного решения от 30 января 1933 года было разогнано международное пацифистски настроенное общество

⁷ «Der Spiegel», Hamburg, Nr. 53, 1955, S. 30.

«Пантерра». Рейхсвер добился того, что на любое исследование в области ракет требовалось разрешение государства; но разрешения просто не выдавались. Алчные руки германских милитаристов задушили ракетное производство в мирных целях.

В то время как чертежи, образцы материалов, патентные описания и лицензии исчезали в сейфах рейхсвера, управление вооружений в год поступления туда Вернера фон Брауна предприняло серию секретных испытаний на закрытых полигонах в Мюнхене, Меппене, Штольпе и Бритце.

Знатный гость на Куммерсдорфском полигоне

– Ваше превосходительство, позвольте предложить Вам кресло! Господин капитан Дорнбергер уже уведомлен. Обещал тотчас прийти.

Дежурный офицер караульной службы обер-лейтенант Шнеллер на сей раз старался быть гостеприимным. Обычно он неукоснительно выполнял приказ выпроваживать всех нежелательных лиц и строго следить за тем, чтобы они поскорее убрались. Но министра в отставке Магнуса фон Брауна здесь отнюдь не считали нежелательным гостем. Наоборот, влиятельный барон в этот день раньше обычного закончил изучение биржевых курсов в своей берлинской конторе на Кёнигин-Аугуста-штрассе, чтобы навестить сына на полигоне в Куммерсдорфе.

Куммерсдорфский полигон, находившийся в тридцати километрах к югу от Берлина, строго охранялся рейхсвером. Заборы из колючей проволоки, сигнальные устройства, щиты с черепом на скрещенных костях, часовые с собаками охраняли территорию, где не переставая раздавались взрывы. Рейхсвер испытывал здесь новые взрывчатые вещества, мины, дистанционные трубки и орудия.

В этой запретной зоне особенно тщательно охранялась

«Испытательная станция Вест». Даже офицеры и специалисты, работавшие на Куммерсдорфском полигоне, не должны были знать, что происходило на этой экспериментальной базе, занимавшей площадь немногим больше квадратного километра.

У куммерсдорфской колючей проволоки утратила силу статья 168 Версальского мирного договора, в которой говорилось, что «изготовление оружия и всякого военного снаряжения в Германии может производиться лишь на заводах, месторасположение и число которых одобрено главными союзниками». Американцы, англичане, французы и итальянцы не должны были знать, что творит рейхсвер среди редкого сосняка на земле Бранденбурга. И обер-лейтенант Шнеллер считал своим долгом внести в это свою лепту.

Капитан Дорнбергер вошел в караульное помещение и, вытянувшись, четко отрапортовал Магнусу фон Брауну. От молодого Вернера он знал, что его отец придает большое значение почестям, приличествующим занимаемому им положению. А с впечатлением, которое вынесет Магнус фон Браун от «Испытательной станции Вест», в кругах рейхсвера связывали чрезвычайно большие надежды. Правда, барон, которому только что исполнилось 55 лет, несколько месяцев тому назад вышел в отставку с поста имперского министра продовольствия и сельского хозяйства в кабинете Папена. Но чем бы он ни занимался, милитаризация, как гарантия империалистической политики Германии, всегда была близ-

ка его сердцу.

По дороге в запретную зону капитан Дорнбергер извинился за тряску. Последний отрезок пути барону пришлось проделать даже пешком, так как шоферу доступ на «Испытательную станцию Вест» был запрещен.

Полковник Беккер вышел приветствовать почетного гостя. За ним следовал сын экс-министра. 29-летний начальник группы развития Куммерсдорфской станции Курт Вамке вежливо поклонился отцу своего коллеги. Затем Беккер поочередно представил ему богатырски сложенного инженера Вальтера Риделя, техников Артура Рудольфа, Генриха Грюнова и Фелльмекке.

Капитан Дорнбергер, явно волнуясь, дал кое-какие пояснения. Тем временем его подчиненные закончили последние приготовления к огневым испытаниям. Тяжелые чугунные двери командного блиндажа были задраены. Фон Браун-старший, полковник Беккер и капитан Дорнбергер подошли к заделанной толстым стеклом смотровой щели и надели защитные очки. В наступившей тишине было слышно лишь тикание часов.

Внезапно раздался адский рев. Из закрепленного конусообразного сопла вырвался огромный столб огня. На сей раз Вернер фон Браун наблюдал больше за тем, какое впечатление произвело испытание на его отца, нежели за многочисленными стрелками, прыгавшими на разного рода приборах. Не прошло и десяти секунд, как все кончилось. Магнус

фон Браун был потрясен. Он чувствовал, что здесь, в Куммерсдорфе, возникает нечто грандиозное, такое, что в один прекрасный день сможет здорово помочь Германии осуществить мечты о мировом господстве. Барон дал слово своим собеседникам оказать им всяческую поддержку в получении денежных средств. Свое обещание он выполнил без особого труда, поскольку был тесно связан с коричневой финансовой олигархией. И хотя замешанный в нескольких скандалах с коррупцией фон Браун-старший вынужден был недавно уйти в отставку, это никоим образом не повлияло на его связи с властью имущими. Он по-прежнему оставался членом правления Рейхсбанка, где определялся курс германской финансовой политики.

После визита в Куммерсдорф Магнус фон Бран вел себя в правлении банка как одержимый и при каждом удобном случае выступал за увеличение военных расходов. В 1933 году расходы фашистского государства на вооружение составили 1,9 миллиарда рейхсмарок. К 1938 году прямые военные расходы возросли уже до 18,4 миллиарда марок, а сумма, вложенная Гитлером с момента его прихода к власти в вооружение, достигла – даже по официальным данным – более 40 миллиардов марок⁸. Результатом такой политики, продиктованной капиталистическими классовыми интересами и жаждой наживы, были горы убитых, масса искалеченных, руины и нищета.

⁸ «Frankfurter Allgemeine Zeitung», Frankfurt/Main, 3.XI. 1960.

Диссертация с грифом «совершенно секретно»

Гора книг была объята пламенем. Печатные страницы съживались в огне и превращались в пепел. Но костер непрерывно получал все новую пищу. Одетые в коричневую форму молодчики целыми корзинами швыряли в огонь книги, изъятые ими во время облав и обысков. Фашисты расправлялись с лучшими творениями человеческого ума. Отсвет пламени падал на здание берлинского Университета Фридриха-Вильгельма. Гитлеровские банды глумились над величайшими достижениями науки и культуры.

Лауреат Нобелевской премии профессор Альберт Эйнштейн покинул Германию. Вместе с ним, спасаясь от погромов, бежали за границу тысячи ученых и студентов. Покинуть страну были вынуждены писатель Томас Манн и сотни других гуманистов. Штурмовики, подбадриваемые бесноватыми антисемитами, ради потехи заставляли ученых-евреев чистить сапоги и мостовые зубными щетками.

Университет Фридриха-Вильгельма был одним из первых, откуда демократы и пацифисты были изгнаны сразу же после прихода Гитлера к власти. Их места заняли новые люди, с хорошей военной выправкой, явно стремившиеся выдвинуться на передний план. В числе преподавателей ока-

зался и инженер доктор Карл Эмиль Беккер, артиллерийский полковник, сотрудник управления вооружений сухопутных сил и доцент Берлинской высшей технической школы. Он читал для студентов университета курс «Общей военной техники». Беккеру присвоили звание профессора и, кроме того, его избрали в совет «Общества содействия науке имени кайзера Вильгельма». Начальник отдела исследований управления вооружений генерал-майор доктор философии Эрих Шуман взял на себя руководство 2-м физическим институтом Университета Фридриха-Вильгельма. Профессор доктор медицинских наук Беренс ввел в качестве обязательного предмета курс «Боевые отравляющие и родственные им вещества», а его коллега по факультету доктор Шум преподавал «военную хирургию». Из семестра в семестр увеличивалось число «военно-научных» лекций и семинаров. Уже в 1933 году появились физики, химики, медики и инженеры всех специальностей, которые разрабатывали и преподавали теорию и практику применения средств массового уничтожения. Цель их упорной работы была указана обаянным манией величия «фюрером» в его книге «Майн кампф». В этих условиях не было недостатка и в политической дрессировке студентов, принятых на учебу согласно установленным нацистами правилам. Ректором университета Фридриха-Вильгельма стал профессор доктор медицины Эуген Фишер, который одновременно занимал пост директора института антропологии и наследственности имени

кайзера Вильгельма. Этот законченный фашистский фанатик-расист непрестанно болтал о превосходстве германской расы, о неполноценности всех остальных людей и о призвании нацистов взять на себя руководящую роль в мире. В этом его поддерживал профессор Иоганн Баптист Рифферт, читавший лекции о «темпераменте и характере применительно к национальности и обороноспособности». Военно-политический институт при берлинском университете, возглавлявшийся полковником бароном Оскаром фон Нидермайером, походил на школу по подготовке рыцарей-грабителей и разбойников. На своих «занятиях по военной географии и военной политике» он прививал студентам знания, которые нужны были будущим фашистским оккупантам. Нацисты и милитаристы наплевали на Версальский мирный договор, который недвусмысленно запрещал военные занятия в учебных заведениях, университетах, в спортивных и других обществах.

В то самое время, когда фашисты и их ученые единомышленники глумились над прогрессивными учеными и растоптали Версальский мирный договор, началось беспримерное в истории Германии вырождение науки, поставленной на службу империализму и милитаризму.

Тысяча семьсот пятьдесят ученых самых различных областей науки вошли в руководящую клику черного ордена – СС. Среди этих представителей «расы господ» с высшим образованием вращался и студент Университета Фри-

дриха-Вильгельма Вернер фон Браун. Карл Эмиль Беккер и здесь взял его под свое покровительство.

Молодому барону нравились лекции по баллистике, которые читал полковник Беккер. Но мысли его вертелись при этом вокруг ракеты, которая летела бы быстрее звука и, доставив 1000 килограммов взрывчатки в заранее намеченный пункт, причинила бы невиданные разрушения. Посредством таких ракет, думал Вернер фон Браун, можно было бы окончательно расправиться с «неполноценными» народами, окружавшими Германию.

Прошел год, и профессор Беккер решил, что его любимцу пора получить степень доктора. Отношение к докторанту Вернеру фон Брауну, начиная с определения темы диссертации и кончая ее «защитой», ясно показывает, какой степени проституирования достигла немецкая наука уже в 1934 году.

16 апреля 1934 года Вернер фон Браун вручил профессору Беккеру рукопись диссертации под довольно туманным заглавием «Конструктивный, теоретический и экспериментальный вклад в проблему жидкостной ракеты». Уже само введение к докторской диссертации, остававшейся засекреченной в течение десятилетий, в пух и прах разбивает легенду о том, что Вернер фон Браун лелеял тогда мечты о космических полетах. Вот что говорилось в этом введении:

«Применение ракетного принципа в артиллерии восходит к гораздо более ранним временам, чем применение орудий. И если все же ствольная

артиллерия почти полностью вытеснила ракеты в прошлом веке, то объясняется это главным образом двумя причинами:

1) в результате использования бездымного пороха артиллерии удалось значительно превзойти начиненные черным порохом ракеты по дальности стрельбы;

2) новые нарезные орудийные стволы, придававшие снаряду вращательное движение, обеспечивали гораздо большую точность попадания, чем та, которая достигалась обычными ракетами.

Тем не менее, ракета имеет большие преимущества по сравнению с орудием. Отсутствие высокого давления на стенки ствола, а также отдачи позволяют запускать даже большие ракеты с совсем легких стартовых столов. К тому же посредством ракет можно, по крайней мере теоретически, достигнуть любой высокой конечной скорости.

Следовательно, если хотят воспользоваться преимуществами ракет, необходимо ликвидировать их недостаток по сравнению со ствольной артиллерией, т. е. превзойти ее по дальности стрельбы и устойчивости снаряда в полете. Увеличение дальности стрельбы ставит перед нами, во-первых, термодинамическую проблему выбора целесообразного высококачественного в энергетическом отношении ракетного топлива и, во-вторых, задачу создания легких ракет. Напротив, повышение устойчивости в полете и тем самым точности попадания ракеты при активном управлении посредством гироскопов является в первую

очередь задачей точной механики.

Между тем пороховая ракета уже настолько усовершенствована, что удовлетворяет как в отношении ее термодинамического режима, так и точности попадания. Поскольку, кроме того, она предельно проста в производстве и обслуживании, она уже сейчас может заменить артиллерию в пределах дальности своей стрельбы. Если же необходимо преодолеть большие расстояния, чем это возможно сейчас, возникает трудность, связанная с тем, что почти нельзя увеличить время работы двигателя пороховой ракеты при сохранении мгновенной мощности.

Возможность на сколько угодно продлить время работы двигателя и притом еще значительно превзойти мгновенную мощность пороховой ракеты обеспечивается ракетой с жидкостно-реактивным двигателем. Физика учит, что при использовании большинства углеводородов в смеси с жидким кислородом тепловой эффект горения значительно выше образующегося при сгорании самых эффективных видов пороха.

В соответствии со свойствами жидкого топлива конструкция ракет с жидкостно-реактивным двигателем должна почти во всем отличаться от конструкции пороховой ракеты... Поэтому едва ли вероятно, что жидкостно-реактивная и пороховая ракеты когда-нибудь вступят в соревнование друг с другом. Жидкостно-реактивную ракету никогда не удастся сделать столь же простой

в производстве и обслуживании, как пороховую. Ценность жидкостно-реактивной ракеты состоит в ее способности преодолевать максимальные расстояния, а это оправдывает большой объем работ по ее производству... Предлагаемую работу следует рассматривать лишь как вклад в решение физических и конструкторских задач с целью создания жидкостно-реактивной ракеты, пригодной в баллистическом отношении...»⁹

В диссертации Брауна, таким образом, разрабатывалась проблема, имевшая огромное значение для гитлеровского вермахта. И если в некоторых странах НАТО периодически приукрашивают цель исследований нынешнего хантсвилльского ракетчика, то объясняется это лишь тем, что он либо просто скрыл от придворных биографов свою первую работу, определившую его карьеру, либо они умышленно не обратили на это никакого внимания.

Но еще рано ставить точку. Весьма примечательны также обстоятельства «защиты» этой диссертации.

21 февраля 1934 года полковник Беккер в сопровождении капитана из отдела военной разведки – «абвера» появился в квартире профессора Вильгельма Хорна, декана философского факультета Университета Фридриха-Вильгельма. Специальностью лингвиста Хорна была английская литература. Поздоровавшись, Беккер сразу же объяснил, что он рассчи-

⁹ *Wernher von Braun, Konstruktive, theoretische und experimentelle Beiträge zu dem Problem der Feussigkeitsrakete, Stuttgart 1959, S. 3.*

тывает на помощь Хорна в защите диссертации, содержание которой в интересах государства должно быть сохранено в строжайшей тайне. Некому кандидату следует присвоить ученую степень доктора философских наук, причем ни профессорско-преподавательский состав философского факультета, ни тем более студенты не должны ничего об этом знать.

Пока Беккер говорил, капитан «абвера» по профессиональной привычке осматривал кабинет хозяина дома. Хорн выразил сомнение по поводу такого необычного предложения. В довольно раздраженном тоне Беккер заметил, что командование рейхсвера уже получило согласие ректора университета. 27 июня 1934 года 23-летнему Вернеру фон Брауну был вручен диплом, утверждавший его в ученом звании «доктор философии». На дипломе стояли подписи ректора Фишера и декана Хорна, хотя никто из них никогда не видел ни одной строчки из диссертации. Таким образом, докторскую степень Вернеру фон Брауну присвоил фактически рейхсвер. Не случайно, что один из его рейхсверовских покровителей, генерал-майор Шуман, приказал немедленно докладывать в отдел военной контрразведки рейхсвера о каждом человеке, который будет осведомляться о работе Брауна. Но суть была, конечно, не в секретности, что тоже, разумеется, играло не последнюю роль, а главным образом в том, чтобы скрыть от общественности антигуманный характер брауновского творения. Это гнусное дело также является

частью тайны Хантсвилла, до сих пор столь строго хранимой в странах НАТО. Характерно, что позднее Вернер фон Браун был произведен еще и в «доктора естественных наук».

К чему такая фальсификация? Ларчик открывается просто: Вернер фон Браун всеми средствами добывается репутации ученого-естествоиспытателя, который проводит исследования, имеющие общепольное значение. Но таким Вернер фон Браун никогда не был. Он, который утверждает, будто серьезно занимается проблемами межпланетных сообщений, даже не упомянул в своей так называемой докторской диссертации всемирно признанные труды Циолковского в области межпланетных сообщений и ракетной техники. Гениального Циолковского Вернер фон Браун причислял к «неполноценной» расе, которая не способна на какие бы то ни было творческие достижения. Это внушали ему и дома, и в школе, и в университете.

Первая жертва

Солнце приближалось к горизонту. На землю Пруссии опускался душный летний вечер. На Куммерсдорфском полигоне царил нервозность. Гудели насосы. Из зоны безопасности выехала небольшая заправочная машина.

Доктор Курт Вамке возлагал особые надежды на эти часы суток. Уже более года он входил в ракетную группу Дорнбергера и, несмотря на свои 30 лет, был в ней одним из самых старых. Благодаря профессору Беккеру почти полгода назад, 28 февраля 1934 года, в управлении вооружений Вамке также вручили диплом о присвоении ему степени доктора философии за такую не имеющую отношения к этой науке работу, как «Исследования истечения газов через цилиндрические сопла».

В этот день, 16 июня 1934 года, он должен был на практике подтвердить некоторые из своих теоретических выкладок. По этому случаю собралась вся группа, чтобы по традиции распить бутылку доброго шампанского за успех предстоящего дела. Вамке развеселил общество «соленым» анекдотом. Так уж было заведено в Куммерсдорфе. Затем все разошлись. На ракетную площадку «Испытательной станции Вест» Вамке взял с собой только двух помощников. Остальные отправились собирать полевые цветы, чтобы через несколько минут, по обычаю, с поздравлениями препода-

нести их руководителю испытаний. Но на сей раз все получилось иначе.

Шум запущенного ракетного двигателя внезапно замолк. В небо взметнулось облако пыли, смешанной с ярко-желтым дымом. Только пронзительный вой ручной сирены вывел из оцепенения людей, собиравших цветы. Что-то случилось. Что-то очень страшное. Не перекинется ли огонь на стоящие поблизости баллоны с газом? Можно ли уже подойти к месту катастрофы? Сначала робко, но потом все быстрее побежали они к ракетной площадке. Клубы густого дыма ударили им в лицо. Когда сквозняк рассеял дым, они увидели трех испытателей, лежавших на земле. Пока принесли кислородные приборы, прошли драгоценные минуты. Двоим приборы понадобились. Третий не подавал признаков жизни, и только из разбитого черепа продолжала фонтаном бить кровь. Доктор Вамке был мертв. Первой жертвой немецкой боевой ракеты стал один из ее создателей, один из тех, кого, как и Дорнбергера, не интересовала «шестая цифра после запятой в расчетах траектории полета к Венере». Куммерсдорф и управление вооружений получили первое предупреждение.

Вернер фон Браун отнесся к гибели Вамке со смешанным чувством. Хотя его и связывала с Куртом общая цель, но, с другой стороны, он чувствовал его превосходство, которое было следствием разницы в возрасте и более солидной подготовки Вамке.

Теперь на пути головокружительной карьеры фон Брауна остался лишь один потенциальный конкурент: дипломированный инженер Рудольф Небель, человек с многолетним опытом. От него нужно было во что бы то ни стало избавиться.

Небель, учивший в свое время студента Вернера азбуке ракетной техники, ничтоже сумняшеся был объявлен евреем. На него посыпались удар за ударом. В конце 1934 года нацисты на основании настоятельной рекомендации управления вооружений запретили Небелю продолжать частные исследования в ракетной области. Когда Небель отказался выпустить из рук свои патенты, им сразу же занялось гестапо. Шесть месяцев его продержали в застенках государственной тайной полиции в Берлине, а затем отправили в концентрационный лагерь Бауцен. Невесту Небеля Герту Имбах бросили в тюрьму и в конце концов умертвили в лагере смерти Освенцим (Аушвиц). Небелю вдобавок предъявили обвинение в том, что он сотрудничал с профессором Альбертом Эйнштейном, или, выражаясь на жаргоне нацистов, «пактировался с евреем – человеком низшей расы».

Клаус Ридель, партнер Небеля по изобретениям, почуявший, куда дует ветер, бросил своего учителя на произвол судьбы и примкнул к колонне «чисто арийских» ракетчиков.

Вернер фон Браун посмеивался в кулак. Интрига развивалась по заранее разработанному плану. Ведь он принадлежал к «расе господ», был отпрыском прусского феодально-

го рода, испокон веков мыслившего и действовавшего в антисемитском духе. Впавшие в сословное и расовое чванство дворянские круги уже давно вступили в ряды СС – кровавый черный орден нацистов. В офицерский эсэсовский корпус входили к тому времени 260 выходцев из дворян, в их числе 7 принцев и 59 баронов. В СС вступили, например, Гогенцоллерн-Эмден, фон Мекленбург, фон Шаумбург-Липпе, фон Вальдек-Пирмон, фон Бюлов, фон Харденберг, фон Врангель, фон Цастров, фон Витцлебен-Вурмб. В двухстах шестидесяти случаях приставка «фон» стояла перед чинами обер-группенфюрер СС, группенфюрер СС, бригадефюрер СС, оберфюрер СС, штандартенфюрер СС, обер-штурмбанфюрер СС, штурмбанфюрер СС¹⁰. Правоэкстремистское великогерманское дворянство услужливо группировалось вокруг Гитлера и Гиммлера. Среди них были и фон Брауны.

Обервизентальский барон Магнус фон Браун постоянно вертелся в окружении рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера и, уже будучи в преклонном возрасте, все еще сожалел, что ему довелось лишь один раз разговаривать с этим кровавейшим из палачей всех времен. Он с благоговением вспоминал об этой встрече. Однако фон Браун-старший благоразумно умалчивал о том, что его сын Вернер с 1933 года носил черную форму 4-го кавалерийского эскадрона 6-го полка СС.

¹⁰ Соответствуют следующим общеармейским чинам гитлеровского вермахта: генерал пехоты и других родов войск, генерал-лейтенант, генерал-майор, полковник, подполковник, майор. – *Прим. перев.*

Арийцы Брауны установили отличные отношения с новыми властителями в коричневой и черной форме. С их помощью они убрали с дороги Рудольфа Небеля. Позднее Вернер фон Браун пытался скрыть свою подлость. Он направил в мюнхенский суд заверенное в начале 1961 года алабамским нотариусом М. Уилборном заявление, в котором писал:

«Я считал, что Небель не подходит для выполнения задач, поставленных перед нами в Пенемюнде. Его организаторские способности и умение обеспечить финансовую помощь я всегда ценил гораздо выше, чем его чисто научно-технические качества. Тот факт, что он был поистине силен не как технический специалист, а как человек, умевший продвинуть дело, сгладить неудачи и провести необходимую подготовку, ничуть не умаляет его заслуг»¹¹.

Если поверить этому, то ни один ангел не был столь же чист, как Вернер фон Браун. Он утверждал, будто его первый учитель не попал в пенемюндскую группу только потому, что научно-техническая квалификация Небеля была недостаточной. При этом он ни словом не обмолвился о той роли, какую сыграло семейство Браунов в интриге против Рудольфа Небеля.

Профессор Герман Оберт в свою очередь не был допущен к ракетным исследованиям в Германии. Это также было весьма кстати Вернеру фон Брауну, так как его знаний и

¹¹ «Frankfurter Rundschau», Frankfurt/Main, 10.III.1961.

опыта не хватило бы, чтобы конкурировать с Обертом. Хотя Оберт, находившийся в далеком румынском городишке Медиаш, умолял разрешить ему принять участие в конструировании военной ракеты, его не привлекли к этому делу. Отдел управления вооружений сухопутных сил, которым руководил друг семьи Браунов полковник Беккер, считал, что «Оберт, поскольку он является румынским гражданином, не может быть допущен к участию в работах, проводимых под строжайшим секретом».

Следуя в траурной процессии за гробом Курта Вамке, Вернер фон Браун отчетливо сознавал, какой он сделал важный шаг вперед. Вамке везли на кладбище. Небель был по дороге в тюрьму, Оберт – за границей. Путь, в конце которого фон Браун собирался подарить Гитлеру боевую ракету, был свободен.

Участник тогдашних событий Рудольф Лузар писал о взаимосвязи между приходом фашистов к власти, началом работ над ракетным оружием и политикой гитлеровцев по подбору кадров:

«К систематической работе приступили примерно в 1933 году, когда в лице молодого ученого доктора Вальтера Дорнбергера (доктором он стал только в 1935 г. – Ю. М.) был найден человек, способный выполнить эту гигантскую задачу. По планам Дорнбергера и его сотрудника Вернера фон Брауна (позднее он стал профессором) в этом же году была построена ракета

(«А-1»), оказавшаяся, однако, не вполне пригодной»¹².

Но это было только начало. В 1936 году Гитлер приказал передать 24-летнему Вернеру фон Брауну, незрелому в научном отношении, но зато вполне надежному с точки зрения нацистской политики, техническое руководство рискованнейшим проектом того времени и крупнейшей базой для испытания смертоносного оружия.

¹² Rudolf Lüsar, Die deutschen Waffen und Geheimwaffen des zweiten Weltkrieges und ihre Weiterentwicklung, München 1959, S. 122.

На «запретном острове»

«Рождественские дни 1935 года я провел в имении отца в Силезии, – писал в своих мемуарах Вернер фон Браун. – Однажды я мимоходом заметил, что ищу подходящее место для испытательной станции на побережье. Мать напомнила мне о Пенемюнде. Еще мой дед стрелял там диких уток! Я поехал посмотреть эту местность. Она мне понравилась с первого взгляда».

Вскоре на северной оконечности острова Узедом, там, где до самого горизонта видно Балтийское море, грохот строительных механизмов стал заглушать крики чаек и крикание уток. Птицы были почти единственными живыми существами, которые могли приближаться к этой территории. Часть Узедома к северу от Цимица, Лютова и Цемпина была объявлена запретной зоной. Вермахт, полиция и служба безопасности наглухо отгородили ее от внешнего мира. Вальтер Дорнбергер, которому к тому времени присвоили звание майора, принял на себя военное руководство, Вернер фон Браун – техническое. Рыбацкая деревушка Пенемюнде, расположенная на западной стороне самой северной части острова, дала свое имя созданной здесь гигантской испытательной станции.

Пенемюнде с самого начала поглощала огромнейшие суммы, которые выкачивались из немецкого народа. Но об этом

«ракетный барон» вспоминать не любит. Адельберт Бер-вольф, один из тех, кто делает ему рекламу, пишет: «О Пенемюнде фон Браун говорит мало, он очень гордится своим американским гражданством»¹³.

Германия лихорадочно вооружалась. Она готовилась к тому, о чем объявил Гитлер в своей книге «Майн кампф». Уже в 1936/37 бюджетном году нацисты вложили непосредственно в вооружение 5,8 миллиарда марок. Те, кто привел фашистов к власти, стали получать прибыль, в десятки раз превышавшую их субсидии нацистской партии. Гитлер возлагал большие надежды на новое оружие, которое было ему необходимо для достижения далеко идущих захватнических целей. Представители сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил спешили вытащить из объемистых сейфов хранившиеся там проекты оружия. Докладывая о них, каждый из родов войск расхваливал свой вид оружия как такое, которое лишь одно способно решить исход войны.

С помощью профессора Беккера, произведенного в генерал-лейтенанты и работавшего в имперском военном министерстве, Вернер фон Браун обеспечил себе в этом соревновании поддержку со стороны тех, кто распределял деньги на вооружение. В марте 1936 года майор Дорнбергер и конструктор Вернер фон Браун уговорили главнокомандующего германскими сухопутными силами генерал-полковника Вернера фон Фрича присутствовать при испытании ракет-

¹³ «Die Welt», Hamburg, 20.11. 1958.

ного двигателя на полигоне в Куммерсдорфе. Фрича сопровождал начальник отдела исследований в геринговском министерстве авиации Вольфрам фон Рихтгофен. Было предусмотрено все, чтобы произвести наибольшее впечатление. И действительно, фанатичный артиллерист фон Фрич был поражен.

На традиционном после испытаний торжестве обменивались мыслями относительно форм и возможностей применения боевой ракеты. Фон Фрич уехал, пообещав, как писал позднее Дорнбергер, «полную поддержку, при условии, что мы используем деньги для того, чтобы на основе ракетного двигателя сделать пригодное оружие»¹⁴.

В Берлине фон Рихтгофен немедленно доложил об этом своему шефу, генералу авиации Альберту Кессельрингу. Вслед за тем представители ВВС сообщили своим коллегам из сухопутных сил о готовности принять участие в осуществлении пенемюндского проекта.

Организационная сторона дела продвигалась очень быстро, почти без осложнений. Уже 2 апреля 1936 года уполномоченный Геринга заключил с бургомистром Шольцем фон Вольгастом предварительное соглашение о покупке пенемюндского леса за 750 тысяч марок. В июне 1936 года договор был оформлен окончательно. Первая лопата земли была вынута в августе. В этом же году Гитлер ассигновал на ракетные планы Вернера фон Брауна 20 миллионов марок.

¹⁴ *Walter Dornberger, V-2 -Der Schuß ins Weltall, Eßlingen 1952, S. 45-46.*

Всего, согласно запросам фанатичного ракетчика, на строительство сооружений в пенемюндской запретной зоне было затрачено 300 миллионов марок.

У Вернера фон Брауна, имевшего в Куммерсдорфе 90 сотрудников, в Пенемюнде в подчинении находилось порой около 20 тысяч рабочих, ученых, конструкторов и инженеров.

Тайный центр ракетчиков разрастался по тщательно разработанным планам. В сосновом лесу были построены заводские цехи. На самой северной оконечности острова возникли аэродром, стартовые площадки и катапульта для управляемых ракет. Эта часть острова имела двойное ограждение, подобное куммерсдорфскому. Пройти сюда могли лишь те, у кого был специальный пропуск с фотокарточкой, причем цвет пропуска периодически менялся. Неподалеку от аэродрома расположилась «Испытательная станция военно-воздушных сил верк Вест». «Испытательная станция сухопутных сил Пенемюнде верк Ост» помещалась в двух километрах юго-восточнее. С юга, вдоль восточного побережья запретной зоны, к ней примыкали «Станция серийных испытаний – Зюд» и городок, где жили ученые и технический персонал. Южнее озера Кельпинзее в направлении поселков Карлсхаген и Трассенхейде были сооружены кислородный завод, испытательные стенды и несколько жилых бараков. На построенных ускоренными темпами заводских железных дорогах и автострадах ни днем ни ночью не прекращалось ин-

тенсивное движение. В это же время на материке, в четырех километрах западнее деревни Шпандоверхаген, возводилась мощная радиостанция направленного действия.

На нацистов работали лишь тщательно отобранные и особо охранявшиеся трудовые батальоны «Организации Тодта», инженеры-строители и землемеры. Когда рабочих рук не хватало, привозили заключенных из концентрационных лагерей.

В числе тех, кого намного раньше других посвятили в немюндский проект, был 43-летний артиллерийский капитан запаса Генрих Любке¹⁵. Магнус фон Браун хорошо знал Любке. Он выступал в качестве управляющего и компаньона дипломированного инженера Вальтера Шлемпа, чья архитектурская контора размещалась в доме № 6 по Бельвюштрассе в Берлине. «Строительную группу Шлемпа» создалась новой имперской канцелярии, в дальнейшем имперский министр вооружения и военной промышленности Альберт Шпеер зачастую привлекал для выполнения самых выгодных с финансовой точки зрения фашистских проектов строительства военных объектов.

Уже вскоре над головами строителей со страшным скрежетом и визгом начали проноситься тяжелые реактивные снаряды. Шум двигателей ракет серии «А» и стартовых ускорителей для перегруженных бомбами самолетов типа «Юнкерс-50», «Хейнкель-112» и «Хейнкель-176» нарушал

¹⁵ Генрих Любке с 1959 года является президентом ФРГ.

тишину балтийского побережья. «Военно-воздушные силы требовали, чтобы мы построили ракетоплан, и позднее, предложили нам для работы над ним пять миллионов марок»¹⁶, – выболтал однажды Вернер фон Браун.

Все новые и новые группы принудительно завербованных специалистов прибывали в святая святых Вернера фон Брауна из концернов «ИГ Фарбениндустри», «Рейнметалл – Борзиг», «Сименс», «АЭГ» и «Телефункен». Ведь уже за год до начала работ в Пенемюнде было решено, что одними исследованиями дело не ограничится. Вермахт требовал ракетного оружия, которое превзошло бы артиллерию по дальности действия. Этому требованию должна была отвечать ракета «А-4»¹⁷. Она была не единственной боевой ракетой, над которой упорно работал Вернер фон Браун. Порой он испытывал до четырех различных типов ракет одновременно.

Ну, а кто стоял в этом деле бок о бок с Вернером фон Брауном и за его спиной? По мере того как росло число немецких ученых, инженеров, техников и рабочих-специалистов, привлеченных к осуществлению пенемюндской программы, изменялось и их политическое лицо. Не каждый из них сознавал с самого начала, что он служит целям преступной войны. В результате мер по соблюдению секретности боль-

¹⁶ «Weltraumfahrt», Frankfurt/Main, Heft 3, 1952, S. 66.

¹⁷ «Spandauer Volksblatt», Westberlin, 17.IX. 1959. Ракета «А-4», когда ее поставили на вооружение, в пропагандистских целях была названа нацистами сокращенно «Фау-2.» (V2) от слова «Vergeltungswaffe», означающего: «оружие возмездия».

шинство сотрудников не имело даже представления, над чем они, собственно, работают. Тем более, что кроме специалистов, находившихся на Узедоме с семьями, ракетной программой фон Брауна были заняты также десятки лабораторий при концернах, почти все технические исследовательские учреждения и несколько специальных конструкторских бюро гитлеровской Германии.

Рассказы десятков очевидцев и списки личного состава пенемюндского исследовательского штаба, который называли порой «легендарным», позволяют подразделить его на три категории с соответственно различной долей ответственности за создание гитлеровских ракет.

Прежде всего это была бессовестная клика, непосредственно окружавшая Дорнбергера и фон Брауна. Затем шел более широкий круг немецких ученых и практиков, которых часто подстегивал ажиотаж экспериментаторов. Они честно трудились, многое делали и вдруг обнаруживали, что результаты их труда используются для неправого дела. Кое-кто из них сравнительно быстро распознал преступный характер фашистской ракетной программы, но не находил в себе мужества прекратить участие в ней. Последнюю, третью категорию составляли те, кому пришлось выбирать между отправкой на фронт и участием в так называемых «необходимых с военно-хозяйственной точки зрения исследованиях». Эти люди предпочли фронту сравнительно безопасную жизнь и работу в пенемюндском «оазисе». Со временем эта

группа стала самой многочисленной. В одном только 1939 году главнокомандующий сухопутными силами вермахта генерал-полковник Вальтер фон Браухич отозвал из действующей армии 4 тысячи технических специалистов и под кодовым наименованием «Испытательная команда Норд» направил их для работы над ракетной программой.

Насколько неоднородной была брауновская исследовательская группа, настолько различными были и интересы ее участников. Проект по-настоящему увлек лишь несколько сот человек. Да и то главным образом индивидуалистов, вскормленных различными концернами. В большинстве своем это были молодые члены гитлеровской партии, стремившиеся к личной карьере, или же люди, завербованные с помощью весьма щедрых подачек.

Пенемюндская верхушка вербовала через «Имперский исследовательский совет» ученых и, ставя новые задачи перед всеми тридцатью институтами «Общества кайзера Вильгельма», способствовала их милитаризации. В списке тех, кто получал заказы из Пенемюнде, были берлинский «Немецкий исследовательский институт аэронавтики», «Исследовательский институт техники ракетоплавания» в Трауэне и «Институт Германа Геринга» в Брауншвейг-Фелькенроде. Институты, занимавшиеся исследованиями в области аэронавтики, в течение нескольких месяцев в шесть раз увеличили свои штаты. Если в 1933 году расходы этих учреждений составили 3 миллиона марок, то в 1939 году они истра-

тили почти 34 миллиона марок.

Непосредственное окружение Вернера фон Брауна состояло из убежденных фашистов – ученых. К ним относились швабский инженер Эберхард Реес, которого фон Браун назначил в Пенемюнде директором завода, и один из главных конструкторов инженер Вальтер Ридель. Над ракетными двигателями и их оборудованием работали главным образом кильский профессор Гельмут Вальтер, член нацистской партии доктор Вальтер Гиль и инженеры Артур Рудольф и Пельман. В группу доктора Рудольфа Германа, начальника лаборатории аэродинамической трубы и референта армейского управления вооружений, входили активные сторонники «блицкрига» инженеры Герман Курцвег и Людвиг Рот. Расчеты траекторий для ракет производили баллистики доктор Штойдинг и доктор Штулингер¹⁸.

Исследования материалов и ракетного топлива входили в компетенцию руководителя группы из концерна «ИГ Фарбен-индустри» доктора Фрица Гаевского¹⁹. Профессор доктор Карл Вагнер²⁰ из Высшей технической школы в Дармштадте

¹⁸ Эрнст Штулингер, родом из Штутгарта, живет в США под псевдонимом мистер Апекс и работает вместе с Вернером фон Брауном в Хантсвилле.

¹⁹ Фриц Гаевский проживает в Леверкузене (ФРГ), является директором и председателем правления «Динамит АГ» в Тройсдорфе. За «заслуги» во второй мировой войне был награжден в 1953 году «Большим крестом за заслуги».

²⁰ Карл Вагнер до 1958 года работал над созданием боевых ракет в США. В настоящее время является директором западногерманского института физической химии им. Макса Планка. Живет в Геттингене (ФРГ).

был для Вернера фон Брауна надежным поставщиком кадров.

К ученым, группировавшимся вокруг Вернера фон Брауна и дискредитировавшим науку, примыкали военные, такие, как Вальтер Дорнбергер, которого периодически повышали в чине, генерал-майор Вольфганг фон Шамье-Гличинский, генерал-майор Мец, полковник инженер Цанссен, подполковник Циппелиус, майор Том и штабной авиационный инженер, руководитель группы Цейсе.

Безумные планы

5 ноября 1937 года Гитлер вызвал руководителей вермахта в имперскую канцелярию. В 16.15 в малом зале заседаний собрались имперский военный министр генерал-фельдмаршал фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник фон Фрич, главнокомандующий военно-воздушными силами генерал-полковник Геринг, главнокомандующий военно-морскими силами генерал-адмирал Редер и имперский министр иностранных дел барон фон Нейрат. За отдельным столиком занял место секретарь – полковник генерального штаба Хоссбах.

На этом совещании Гитлер изложил присутствующим свою военную программу. Полковник Хоссбах записал в протоколе:

«Вначале фюрер констатировал, что тема сегодняшнего совещания имеет такое значение, что в других государствах она обсуждалась бы на заседании правительства. Однако именно в связи с исключительным значением данного вопроса он, фюрер, не хочет делать его предметом дискуссии на широком форуме имперского кабинета. Все, что он скажет дальше, является результатом глубоких размышлений и опыта, накопленного им за четыре с половиной года пребывания у власти...

Существует только один путь решения германской проблемы – с помощью силы, а он всегда связан с риском... Если пойти на риск и решиться на применение силы, то остается лишь ответить на вопросы «когда» и «как»...

Вариант 1: Период между 1943 и 1945 гг.

После этого следует ожидать изменения обстановки не в нашу пользу.

Вооружение армии, военно-морских и военно-воздушных сил и подготовка офицерского корпуса почти завершены. Материальная часть и оружие отвечают современным требованиям, дальнейшая оттяжка влечет за собой опасность того, что они устареют. Сохранение в тайне „оружия особого назначения“ надолго обеспечить не удастся...».

Следовательно, уже тогда Гитлер рассчитывал на «оружие особого назначения», то есть на ракеты.

Тем временем с маленького острова Грейфсвальдер Ойе в Балтийском море Вернер фон Браун произвел запуск новой серии ракетных снарядов. Но испытания его не удовлетворили. Тогда барон стал раздумывать над тем, как бы включить в работу над своим проектом такого талантливого специалиста, как Герман Оберт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.